

жизни предвзятым. Тем самым, бывший вождь «Белого дела» обеднил свою неординарную личностную позицию идейно-политическую позицию и идейно-политические взгляды в белой эмиграции. Он затруднил и для себя и без того мучительный поиск новых парадигм в сложной конкретно-исторической обстановке бытия белоэмигрантского социума.

633. В. В. КОСТИКОВ:

Есть основания предполагать, что генерал Скоблин пытался заманить в ловушку Антона Ивановича Деникина, фигуру куда более знаменитую, чем генерал Миллер. Штабс-капитан Григуль вспоминает, что Скоблин принялся уговаривать Антона Ивановича Деникина поехать с ним на автомашине в Брюссель якобы для встречи с жившими там корниловцами. Деникин уклонился от приглашения и вообще был крайне удивлен этой идеей: в Бельгии проживало очень мало русских эмигрантов. Большинство из них работали на шахтах, никакого участия в политической жизни эмиграции не принимали. Настораживали поспешность и настойчивость, с которыми Скоблин обхаживал генерала. Не исключено, что Деникина собирались вывезти из Франции в рамках той же самой операции, жертвой которой стал Миллер. Во время суда над Плевицкой выявились и дополнительные факты. Оказалось, что Скоблин и ранее предлагал бывшему вождю белого движения на юге России поездки в Брюссель.

— Почему вы отказались? — спросил Деникина председатель суда Дельрог.

— Я подозревал Скоблина в сочувствии большевизму с 1927 года, — отвечал генерал.

— Вы опасались Скоблина или Плевицкой?

— Не доверял обоим...

4.3. Военное лихолетье и после: духовная сеча русского генерала

634. А. И. ДЕНИКИН:

Я не верю в искренность Сталина и Гитлера. Союзы в наше время заключаются и разрываются под любым предлогом. Поэтому не надо строить иллюзий по поводу безопасности России. Эмиграции не следует ориентироваться на политические союзы иностранных государств в це-

лях ограждения России от агрессии германского фашизма... Никаких «фильств», кроме «русофильства», никакой ориентации, кроме русской, никаких обязательств за... чечевичную похлебку и... с потерей лица¹.

635. А. И. ДЕНИКИН:

Военные события в глуши воспринимаются острее, но я не теряю оптимизма. Ведь в сложной ситуации можно найти и предзнаменования утешительные

636. А. И. ДЕНИКИН:

Присланные часы не ходят. Не ходят и мои. Живем по солнцу и по фабричным гудкам. Ничего не поделаешь! Живем по-прежнему. Я чувствую большую усталость. Здоровье матери опять ухудшилось. На днях она взвесилась: потеряла в весе, также как и я, одиннадцать кило! Причем еще не голодали...

637. А. И. ДЕНИКИН:

Не везет и в нашем маленьком хозяйстве. Глядишь — в огороде то солнце что-либо спалит, то вредители уничтожат; петушка украли; прохвост лавочник пожалел цинка, плохо залудил коробки, и наши консервы из курицы сгнили. И т. д., и т. д. Впрочем, когда миры крушатся!..

638. А. И. ДЕНИКИН:

В эти тяжкие и темные дни наше прошлое, да послужит утешением, путеводным маяком и залогом надежды... Не надо в столь трудной обстановке терять веру в возрождение России без большевиков...¹

639. А. И. ДЕНИКИН:

Господин майор!

По поводу письма Вашего от 28 января сообщаю:

В 1935 году я сдал свои архивы на хранение в «Русский заграничный исторический архив», находившийся в ведении Министерства

иностранных дел Чехословакии. Министерство обязалось выполнить следующие условия. Мои архивы подлежат передаче в Россию после свержения коммунистической власти и утверждения там режима, обеспечивающего правовой порядок, свободу личности и общественной самодеятельности. Время передачи архивов российскому правительству определяется мною. В пользовании этими архивами никто не может быть допущен без моего разрешения. За мною сохраняется право пользования этими архивами для моих научных работ. Архивы мои не могут быть отчуждены и переданы на временное хранение какому-либо иному учреждению.

640. А. И. ДЕНИКИН:

...Вздыблена, взвихрена наша бедная Россия! Рушатся каторжным трудом воздвигнутые заводы-гиганты. Горят полымем наши города и села. Гибнет русское добро от своей и чужой руки...

Без конца гибнут и русские люди. Гибнут в кровавых боях, в братоубийственных стычках и в темных застенках. Гибнут от холода, голода и труда непосильного, мрут без ухода от ран и болезней — в своих и чужих лагерях, нет конца русским страданиям, нет меры русской скорби!

Но дух народный жив. Его не угасить никому и ничем. <...>

Бог правды, Бог брани, ниспошли избавление стране нашей родной от всех ее лютых врагов и лиходеев, дай мир и свободу исстрадавшемуся народу!

641. А. И. ДЕНИКИН:

Обеспечение продуктами все более и более осложняется. Мы получаем немного мяса лишь раз в неделю, рыба совершенно исчезла, а раздача молока прекратилась еще на прошлой неделе. Последнее обстоятельство для нас особенно тяжело...

642. А. И. ДЕНИКИН:

Двадцать седьмую годовщину основания Добровольческой армии мы вспоминаем в обстановке, весьма отличной от той, которая существовала в последние четыре года. Но не менее сложной, вызывающей целую гамму противоречивых чувств и застающую русскую эмиграцию

опять на распутье. А подонки ее — вчерашние мракобесы, пораженцы, гитлеровские поклонники — уже меняют личины и славословят без меры, без зазрения совести новых господ положения...

Международная обстановка в корне изменилась. Враг изгнан из пределов отечества. Мы — и в этой неизбежности трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий, потрясавших нашу Родину за последние годы <...>. Мы испытывали боль в дни поражений армии, хотя она и называется «Красной», а не Российской, и радость — в дни ее побед. <...> Но не изменилась обстановка внутри-российская. В дни, когда весь мир перестраивает свою жизнь на новых началах международного сотрудничества, социальной справедливости и самостоятельности от эксплуатации капиталом и государством, не могут народы русские пребывать в крепостном состоянии. Не могут жить и работать без самых, хотя бы необходимых, условий человеческого существования: основных свобод, раскрепощения труда, упразднения кровавого произвола НКВД, суда независимого, равного для всех, основанного на праве. <...>

Пока этого нет, мы будем идти своим прежним путем, завещанным нам основоположниками Добровольчества, какие бы тернии ни устилали нам путь.

Ибо судьбы России важнее судеб эмиграции.

643. А. И. ДЕНИКИН:

Ты знаешь, что у меня на черный день осталось 50 ф. (английских фунтов). Пришла сейчас надобность, и я передал их Крячко, прося обменять. Но сегодня прочел в газете, что якобы билеты эти аннулированы. Здесь в этом вопросе разобраться мне трудно. Во всяком случае он причинил мне большое беспокойство. Поэтому прошу Тебя сейчас же переговорить по телефону с Крячко и спросить, обменял ли он? Если мои опасения правильны и Крячко ничего сделать не может, то возьми у него билет и постарайся устроить дело через своих знакомых. Иначе — беда! Это ведь все, что у нас есть...

644. А. И. ДЕНИКИН:

Очень рады, что квартира найдена, но очень смущены, что 3 комнаты, кухня, ванная... Вообще боимся, что будет дорогая. Ведь у нас никаких средств и почти никаких перспектив, кроме одной, о которой

с Тобой будем говорить по приезду. Так что пиши скорее, сколько эта квартира будет стоить. А также каким путем и кто Тебе ее предложил, насколько этот источник достоверен?¹

645. А. И. ДЕНИКИН:

Во время войны я был связан с моими единомышленниками в Париже и был хорошо осведомлен о происходивших событиях. Время от времени я посылал свои послания добровольцам. Послания эти размножались и ходили по рукам. Мои прокламации всегда были противогитлеровскими и противобольшевистскими. Но это последний пункт во время войны не выдвигался, чтобы не дать материал для гитлеровской пропаганды. Я всегда был с русским народом в его борьбе, но не с советской властью. Во Франции стало душно. Нет свободной русской печати. Газеты выходят под прямым или косвенным советским контролем, нет свободной трибуны, нет возможности свободно высказаться...

646. А. И. ДЕНИКИН:

...Началась война... Вы отдали приказ 1 сентября 1939 г.: «Чины РОВС должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину».

Что касается принявших иностранное подданство — это дело их совести. Но призывать служить одинаково ревностно всем — и друзьям, и врагам России — это обратить русских воинов-эмигрантов в ландскнехтов.

Советы выступили войной против Финляндии. Вы «в интересах (якобы) русского национального дела» предложили контингент РОВС Маннергейму. Хорошо, что из этого ничего не вышло. Ибо не могло быть «национального дела» в том, что русские люди сражались бы в рядах финской армии, когда финская пропаганда каждодневно поносила не только большевиков и СССР, но и Россию вообще, и русский народ. А теперь уже нет сомнения в том, что при заключении перемирия Ваши соратники, соблазненные Вашими призывами, были бы выданы Советам головой, как были выданы власовцы¹.

Допустим, что это были ошибки. Всякий человек может добровольно заблуждаться. Но дальше уже идут не ошибки, а преступления. Челобития ваши и начальников отделов РОВС, о привлечении чинов его на службу германской армии, после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремления к разделу и колонизации России и к физическому истреблению ее населения, — такие челобитные иначе как преступными назвать нельзя.

Пропаганда РОВС, а толкала чинов Союза и в немецкую армию, и в иностранные легионы, и на работу в Германию,.. вообще всюду, где можно было послужить потом и кровью целям, поставленным Гитлером. Уже 23 апреля 1944 г., когда не только трещали все экзотические легионы, но и сама германская армия явно шла к разгрому, Вы еще выражали сожаление: «даже к участию в “голубой испанской дивизии”² не были допущены белые русские... Для нас это было горько и обидно...»

Но самое злое дело — это «Шютцкор»³ — корпус, сформированный немцами из русских эмигрантов, преимущественно из чинов РОВС, в Югославии. Он подавлял сербское национальное восстание против немецкого завоевания. Тяжело было читать ростопчинские афишеры главных вербовщиков и Ваше «горячее пожелание всем сил и здоровья для нового подвига и, во всяком случае, для поддержания зажженного ген. Алексеевым света в пустыне». Должно быть, праведные кости ген. Алексеева, покоящиеся на сербской земле, перевернулись в гробу от такого употребления.

У вас не могло быть даже иллюзии, что немецкое командование пошлет «Шютцкор» на Восточный фронт, ибо оно никогда такого обещания не давало. В результате почти весь «Шютцкор» погиб. Погибло множество непричастных русских людей не только от злодейства чекистов, но и благодаря той ненависти, которую вызвали в населении Югославии недостойные представители нашей эмиграции. Русскому имени нанесен был там жестокий удар.

Правда, в 1944 г., Вы охладели к «Шютцкору», «из которого стали уходить здоровье и хорошие элементы», но было уже поздно. Ваши устремления направились на РОА, или так называемую «Армию Власова». И в то же время, как несчастные участники ее, попав в тупик, проклиная свою судьбу, только и искали способов вырваться из своей петли, Вы с сокрушением писали: «нас не только не допускают в РОА, но, во многих случаях, даже ограничивают наши возможности общения с ними».

<...> Теперь, в свете раскрывшихся страниц истории, невольно встает вопрос: что было бы, если бы все призывы руководителей

РОВС были услышаны, если бы все намерения их были приведены в исполнение? Только недоверие к нам немцев и пассивное сопротивление большинства членов Союза предохранило их от массовой и напрасной гибели.

Вот те мысли, которые были высказаны мною на закрытом собрании, по возможности щадя Вас, и которые... «вызвали общее негодование лучшей части Белого воинства против ген. Деникина». Позвольте мне не поверить. После четверти века небывалых в истории испытаний уцелевшее русское воинство, раскиданное по всему земному шару, в большинстве своем и в «лучшей части» сохранило русский дух и русское лицо.

Ваше Превосходительство! Когда-то, в роковые дни крушения Российской империи, я говорил:

— Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бесчестно на страже русской государственности.

К Вам и к тем, что с Вами единомышленники, эти слова не относятся.

ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН

647. А. И. ДЕНИКИН:

В последнюю войну на востоке наблюдалось явление, до сих пор в истории международных войн небывалое. Германское командование для пополнения своих рядов обратилось к формированию частей из захваченных пленных, а также из населения оккупированных областей России. Столь рискованный опыт оказался возможным в результате отрыва русского народа от власти, извратившей своей окаянной практикой самые ясные основы национального самосознания... Пленным всех народностей приходило на помощь их правительство и Красный Крест. Русские же ниоткуда ничего не получали, ибо московская власть в международном Красном Кресте не состояла и советские воины были брошены на произвол судьбы своим правительством, которое всех пленных огульно приказало считать дезертирами и предателями. Все они заочно лишались воинского звания, именовались «бывшими военнослужащими» и поступали на учет НКВД так же, как и их семьи, которые лишались продовольственных карточек. Об этом известно было в лагерях, и это обстоятельство еще более отяжеляло душевное состояние военнопленных, которые не только материальной, но и моральной поддержки ниоткуда получить не могли. Они чувствовали себя в безвыходном тупике, обреченными на медленную гибель.

При таких условиях, когда немецкое командование предложило этим людям, обратившимся в живые скелеты, нормальный военный паек своих солдат, чистое жилье и человеческое отношение,... многие согласились одеть немецкий мундир, тем более что им было объявлено, что из них будут формировать части для тыловой службы и работы.

Пусть, кто может, бросит в них камень...

...Однажды в тот захолустный французский городок на берегу Атлантического океана, где я прожил годы немецкой оккупации прибыл русский батальон. Прибыл совершенно неожиданно и для нас, и для самих «добровольцев», которых немцы посадили в поезд в Западной России, места назначения не объявили и везли без пересадок, не выпуская со станций, до конечного пункта. Сред них были люди разного возраста, от 16 до 60 лет, разного социального положения — от рабочего до профессора, были беспартийные, комсомольцы и коммунисты. Эти люди толпами приходили ко мне, а когда германское командование отдало распоряжение, воспрещающее «заходить на частные квартиры», пробирались впотьмах через заднюю калитку и через забор поодиночке или небольшими группами... Говорили обо всем: о советском житье, о красноармейских порядках, о войне, об укладе жизни в чужих странах, и прежде всего, о судьбе самих посетителей... Один только раз кто-то, не то по простоте, не то по умыслу, нарушил нейтральный тон наших бесед, задав мне вопрос: «Скажите, генерал, почему вы не идете на службу к немцам? Ведь вот генерал Краснов...».

— Извольте, я вам отвечу: генерал Деникин служил и служит только России. Иностранному государству не служил и служить не будет.

Я видел, как одернули спрашивающего. Кто-то пробасил: «Ясно». И никаких разъяснений не потребовалось...

Из длительного общения с соотечественниками в немецких мундирах я вынес совершенно определенное впечатление, что никакого пафоса борьбы и русско-германского сотрудничества среди них в огромном большинстве нет и в помине. Просто люди попали в тупик и искали выход. В тупик, между ужасными условиями концентрационных лагерей и огульной оценкой советской властью пленных как «дезертиров» и «предателей», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, по крайней мере, все они думали... В своих собеседниках я видел несчастных русских людей, зашедших в тупик, и мне было искренно жаль их. Они приходили ко мне, ища утешения. Великодушия со стороны «отца народов» я им, конечно, сулить не мог, но с полным убеждением заверял, что всякая другая русская или иностранная власть осудит, но простит. Если только... во благовремени они вырвутся из немецкого мундира...

648. К. В. ДЕНИКИНА:

5 августа 1940 года

Поселились мы на окраине местечка, у самого леса, но далеко от моря. Квартира самая примитивная, в длинном бараке для немецких военнопленных прошлой войны; колодезь и уборная за хозяйским курятником, но электричество, слава Богу, есть... Посреди барака живут старики хозяева, а в том конце другие жильцы.

10 сентября 1940 года

...За хлебом уже надо стоять в очереди, говорят, скоро карточки будут... Жизнь глухого местечка входит в свою колею и течет тихонько, но с некоторой оглядкой, ибо параллельно начинает налаживаться жизнь завоевателя.

27 октября 1940 года

Переехали на новую квартиру, наш старый барак уж совсем не приспособлен для зимы. Тут хоть домик каменный, хоть с отоплением тоже неважно. Зато теперь мы на большой дороге, с утра до вечера видим немцев — пешком, на вело, на мото, на легких автомобилях и на громаднейших грузовиках, да и на лошадях... Получила радио!

29 октября 1940 года

Иваныч в соседней комнате что-то стучит молотком, на мой вопрос отвечает: «Прибиваю на стенку карты бывшей Франции и бывшей Европы». Пятый день стоят лютые морозы. Беда... У нас было еще кило 10 картошки — померзла... Сколько у нас градусов в комнате не знаю, но думаю не больше двух или трех. Я лежу одетая в четырех шерстяных шкурах, под периной, с грелкой и руки стынут писать... Иваныч ходит как эскимос, все на себя наворотил.

30 марта 1941 года

Вчера мы съели свою последнюю коробочку сардинок, а масло из нее сберегли, чтобы заправить сегодняшнюю чечевицу. К великому возмущению кота Васьки, который всю свою жизнь считал своей кошачьей привилегией вылизывать сардиночные коробки. Бедный наш старичок научился есть серые кисловатые макароны, но при этом всегда смотрит на нас с укором... Хуже всего наше дело со штанами: не успела я вовремя мужу купить. Последние снашиваются, а пиджаков хватит.

21 июня 1941 года

По радио говорят только о «слухах» (о нападении Германии на СССР), идущих чаще всего из Швеции. Московское радио совершенно выхолостило ось, даже никаких намеков нет. Корректность и абстрактность неестественные. Что думать про это нам? Огорчаться, радоваться, надеяться? Душа двоится. Конечно, вывеска мерзкая — СССР, но за вывеской-то наша родина, наша Россия, наша огромная, несуразная, непонятная, но родная и прекрасная Россия!..

23 июня 1941 года

Не миновала России чаша сия! Сшиблись два антихриста...¹ А пока что немецкие бомбы рвут на части русских людей, проклятая немецкая механика давит русские тела, и течет русская кровь... Пожалей, Боже, наш народ, пожалей и помоги!

1 июля 1943 года

Переехали на новую квартиру в центре местечка. Немного жаль было расставаться с нашей окраиной. Привыкла к людям и к климату.

7 ноября 1943 года

Ну и чудеса творятся! Всего мы ожидали, только не этого! Вновь прибывшие немецкие солдаты с лошадьми, обозом, занявшие школу и Sale des Fetes, заполнившие улицы местечка — оказались наши соотечественники, прибывшие прямо из России! Набрали их немцы из военнопленных, считаются «добровольцами», но к так называемой армии Власова (РОА) отношения не имеют. Они, конечно, от местного населения узнали, что тут есть русские, и приходят к нам. Приходят неловкие, несмелые, не очень знающие, как говорить с нами. Так нелепо, странно видеть этих русских людей в немецкой форме, а сказать прямо: как же это так? понимаете ли, что врагу России служите? — нельзя... Нельзя!

9 ноября 1943 года

Все встречаемся и беседуем с компатриотами. Они, большинство по крайней мере, чувствуют неловкость своего положения, многие как-то подавлены... Ставят невероятные вопросы, удивляются, что нет бедно одетых, что все так чисто живут. Ведь они еще никакой «за-границы» не видели, прямо из России их в наше местечко привезли. Очень удивлялись, что они тут на берегу океана, и когда я им на карте показала, где мы находимся, один ахнул:

— На самый край земли нас, значит, завезли!

Когда мы им рассказали, что тут, рядом, есть русские военнопленные в лагере, они приняли известие очень сдержанно, даже с неловкостью. Молодой студент вздохнул: «Да вот мы одни русские, вы другие, а они — третьи».

— А Россия одна, и русский народ должен быть один, — сказал им Антон Иванович.

11 ноября 1943 года

Приходят все соотечественники каждый день..., очень интересуются фронтом, но свои чувства по поводу советского продвижения мало кто показывает. Краснолицый, здоровенный черноморский моряк, оставшись последним, спросил:

— А вы как соображаете, может кто-нибудь Россию победить?

— Нет, никто Россию не победит, — ответил Антон Иванович, подчеркнув слово Россия.

— И я так думаю, — сказал моряк. — Счастливо оставаться, папаша. Может, вместе отселя в Россию поедem.

— Может статься, — улыбнулся Антон Иванович, — а может меня пустят, а вас нет, или наоборот.

— Всех пустят, чего там, народу сколько выбили и переморили, вся страна в развалинах лежит, строить-то нужно будет? Все пригодимся. У нас руки вон какие, а у вас — голова. Всякий свое принесет.

— Правильно, — обрадовался Антон Иванович, и они еще раз пожали друг другу руки.

Старик — так много боровшийся за Россию, всю жизнь только о ней думающий, и молодой парень, ушедший от злой жизни на родине, так мало грамотный... — поняли друг друга.

31 марта 1944 года

Слушали грохот московских залпов по случаю взятия Очакова. Производит впечатление даже по радио. Кажется, это второй раз в истории русские берут Очаков. Полтора года тому назад, во времена Екатерины, Потемкин взял его у турок. Но тогда это была слава России. А теперь? Может быть, тоже, говорит мне Антон Иванович.

3 июля 1944 года

Минск обходят и с севера, и с юга. Так долго отдыхавшая тесемочка на большой русской карте теперь передвигается каждый день. Антон Иванович, выслушав вечером московскую сводку, вооружился молотком и передвигает булавки и гвоздики. Как они идут хорошо и как правильно маневрируют!

И как болит старое русское солдатское сердце...

5 июня 1945 года

Вот мы и в Париже. Конец пятилетней ссылке, конец огородам, лесным прогулкам и общению с людьми маленькими, но непосредственными и настоящими. Много рук я пожала со слезами и с сознанием, что вряд ли еще их встречу... Трудна была наша жизнь эти пять лет. Но я не жалею их; и кусочек моей жизни, прошедший в случайной глуши Франции, открыл мне больше ее лицо и ее душу со всеми недостатками и достоинствами, чем предыдущие 15 лет парижской жизни.

649. Ю. М. ФЕЛИЧКИН:

В первые месяцы после нападения Германии на Советский Союз, командование вермахта через посредничество командующего войсками во Франции генерала фон Штюльпнагеля предложило генералу Деникину командование первыми частями, сформированными из советских военнопленных. Антон Иванович им ответил: «Пока шла гражданская война, я воевал против большевиков, это дело семейное, но я русский человек и не буду воевать против своего народа».

650. М. ГРЕЙ:

Мимизан «освободили» только 24 августа¹, то есть в этот день последний немец покинул поселок, хотя никто из жителей не заметил ни единого партизана. Во Франции начали сводить счета. Коммунизм угрожал затопить страну. Деникин решил не прерывать своего грустного пребывания в Мимизане. В течение пяти лет жизни в Мимизане генерал не переставал писать. Он вспоминал события далекого прошлого, думал позднее дополнить эту рукопись и назвать ее «Моя жизнь». Он следил за настроениями эмигрантов, пытаясь образумить поклонников Гитлера, распространял среди них отрывки речей и статей нацистских вождей (переведенных с немецкого его женой), в которых раскрывалось их истинное отношение к русскому народу, разоблачались их реальные цели. Два раза в год — 15 ноября (годовщина создания Добровольческой армии Алексеевым в 1917 году) и 22 февраля (годовщина начала первой антибольшевистской кампании в 1918 году — Ледового похода) он писал краткие послания своим бывшим соратникам по оружию...

По возвращении в Париж генерал Деникин понял, что его призыв — глас вопиющего в пустыне. Большинство русских, воевавших в Белой

армии, опьяненные успехами советских войск, в порыве патриотизма осаждали нового посла Богомолова² в надежде добиться права на возвращение в Советский Союз. «Вместе с русским народом, но против большевистского режима» — этот девиз не нашел отклика (временно) в эмигрантской среде. Генерал сожалел, что злодеяния фашистов в нацистских лагерях, казалось, заставили забыть все то, что было совершено в советских лагерях.

Внешняя политика Сталина возмущала его и заставляла опасаться наихудшего. «Зоны влияния», распространившиеся на треть Европы, являлись прелюдией полного порабощения Прибалтики, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии и части Германии. Не породит ли этот не знающий меры экспансионизм новых бесчисленных врагов России. «Порабощенные страны, доведенные до отчаяния, в один прекрасный день восстанут против своего угнетателя, тогда небывалая угроза нависнет над нашей страной. Будут поставлены под вопрос ее территориальная целостность и ее независимость...»

Другое, может быть более горькое, разочарование заключалось в следующем: Рузвельт и Черчилль приняли обязательство по ялтинскому соглашению выдать Сталину всех русских пленных! Таким образом, все эти Миши, Ефимы, Саши, Володи, которым генерал советовал сдаться «достойным всяческого доверия» англичанам и американцам, были обречены на расстрел! Необходимо помешать этому предательству, этому преступлению! Но каким образом? Нужно обратиться к ответственным лицам, возбудить общественное мнение, разъяснив все аспекты этой проблемы. Но эта задача невыполнима во Франции, где значительно влияние Советов и их сообщников, французских коммунистов. Политика Англии в этом отношении не совсем ясна. Остаются Соединенные Штаты, наиболее сильный член союзнической коалиции. Здесь еще сохранилась свобода слова...

В Америку уезжало много бывших участников Белой армии. Некоторые звали своего главнокомандующего эмигрировать в США, один из его офицеров — Валериан Августинovich (ставший вскоре мистером Монвитом) предложил ему свой дом в Форест Хилле, в одном из кварталов Нью-Йорка, и обещал найти издателя для публикации книги «Моя жизнь».

21 ноября 1945 года мои родители, доверив мне старого Васю³, уехали в Дзеп. Они хотели провести три или четыре дня в Лондоне, а затем сесть на корабль, отбывающий в Соединенные Штаты.

В поезде, идущем из Ньюхевена в Лондон, мать написала короткое письмо капитану Латкину, одному из тех бывших бойцов Белой армии, которых не соблазнило пение советских сирен: «Весь путь через Ла-Манш я пролежала на кушетке. А. И. (Деникин) сначала

прогуливался по палубе, потом задумал истратить все франки, которые у нас остались, — 400 франков, роскошно пообедав. Ему подали жаркое из баранины с картофелем и зеленой фасолью, английский сыр, в больших количествах, хлеб (белый!), масло и три чашки кофе. И как вы думаете, сколько все это стоило? Всего лишь 50 франков! В Ньюхевене английский носильщик, взяв наш багаж на судне, донес его до поезда и настоял на том, чтобы дать мне сдачу с купюры в 50 франков. Зато наш французский носильщик в Дьеппе соорудил кислую мину, когда я ему протянула 100 франков...»

30 ноября мать написала мне: «Мы еще в Лондоне. Наше судно потерпело аварию и стоит на ремонте в доке. Мы сядем на более быстрое судно и доплывем до Нью-Йорка за четыре дня вместо шести-семи, которые предусматривались первоначально. Наше судно называется “Королева Елизавета”. Твой отец чувствует себя хорошо, но я нахожу, что он слишком много ест и мало двигается. Как дела у маленького Мишуни и старого Васи? Мы обнимаем вас всех троих. Через несколько дней будем в Нью-Йорке».

651. Д. В. ЛЕХОВИЧ:

Во второй половине мая 1940 года, когда разгром французской армии стал очевиден, хаос разложения и паника охватили всю Францию. Обыватели массами устремились на юг и на запад, чтобы спастись от наступления врага и отделиться от театра военных действий. Не желая очутиться под немцами, генерал Деникин решил выбираться из Парижа.

Участь Парижа была предрешена, и жители города волной понеслись куда глаза глядят. Поток людей захлестнул все поезда, все способы передвижения, все дороги. В самом конце мая Деникины с дочерью Мариной нагрузили своими вещами, мешками и чемоданами автомобиль, принадлежавший шоферу такси, бывшему участнику белого движения, и покинули Париж, вернее его предместье, где они тогда жили. Шофер со своей дочерью сидели спереди, трое Деникиных со старым котом, неразлучным другом семьи, и с разными мелкими вещами на коленях и под ногами сидели сзади. Большинство мешков и чемоданов было приторочено на крыше машины. Медленно и долго по запруженным дорогам двигались они на юго-запад. Было жарко, пыльно, голодно, хотелось пить. Все гостиницы набиты беженцами. И только где-то в Charantes одна дама, француженка, узнав, что это генерал Деникин, пригласила его со спутниками заехать к себе в имение пообедать и переночевать. Наконец добрались до Мимизан.

Там, в убогой обстановке, застряли Деникины на пять лет. В Мимизан провели они весь период немецкой оккупации и расстались с этим местом лишь в июне 1945 года.

Надо сказать, что вначале Деникины устроились с комфортом в хорошем доме, который им одолжили родители одной из подруг дочери Марины. Дом расположен был на дюне, на самом берегу, с чудным видом на океан. Но длилось благополучие недолго. Когда немцы заняли Бордо, Деникин понял, что в первую очередь будут заняты ими все прибрежные пункты и здания вплоть до испанской границы. Он не хотел «встречаться» с немцами и, не дожидаясь их прихода, сразу же перебрался из дома в примитивный барак в глуши, поблизости от озера Las de Mimisan. На этом озере впоследствии он проводил много времени, занимаясь рыбной ловлей. Дом на взморье действительно сразу же был реквизирован германской армией, а затем взорван ею при сооружении укреплений Атлантической стены¹.

22 июня 1941 года, в день германского вторжения в Россию, немцы в Париже в виде «предосторожности» арестовали множество русских эмигрантов, лояльность которых была им неизвестна или сомнительна. Аресты начались с раннего утра, когда никто из эмигрантов ничего про войну еще не знал. Решение это касалось как мужчин, так и женщин. Возраст, по-видимому, не играл роли. Во французской же провинции, в частности в департаменте Ландов, русских задерживали в возрасте до 50 лет, и аресты (без объявления причин) начались на несколько дней раньше. В районе Мимизан они начались ровно за неделю до начала войны. 15 июня перед домом, где жили Деникины, остановился немецкий военный грузовик с тремя солдатами и унтер-офицером. Унтер-офицер потребовал от Ксении Васильевны ее бумаги, посмотрел на год рождения и приказал садиться в грузовик. Не подозревая о том, что происходит на улице у подъезда его дома, Антон Иванович работал сзади в своем огороде. Когда жена ему крикнула, что ее немцы арестовали и увозят в грузовике, генерал сперва не понял, в чем дело:

— Да ты с ума сошла, — сказал он, — они, наверное, за мной...

Но это было не так. Дав краткое время на сборы, грузовик тронулся и уехал. В нем уже было несколько человек арестованных; среди них была племянница Ксении Васильевны и муж племянницы, жившие неподалеку от Мимизан. Их сына, мальчика шести лет, соседи доставили к Антону Ивановичу. Старик и мальчуган пробыли вдвоем около двух недель. Арестованных повезли в Mont-de-Marsan, главный город департамента и поместили в реквизированном особняке, превращенном немцами в тюрьму. Дом был в саду, вокруг сада — чугунная решетка.

На допрос арестованных водили в центр города в гестапо; обвинений ни в чем не предъявляли, просто держали в тюрьме и продержали там до 1 июля.

Тюремное заключение кончилось так же неожиданно, как и началось. Волнуясь за Антона Ивановича, за шестилетнего мальчика — сына племянницы, которую с мужем арестовали вместе с ней, Ксения Васильевна написала по-немецки письмо генералу в комендатуру германских войск, расположенных в районе Биарритца. Имя его она узнала от солдат, несших караульную службу. В письме этом она сообщила свою фамилию, сказала, что арестована, вины за собой не знает, что сидит в тюрьме без предъявления ей каких бы то ни было обвинений. Письмо, отправленное через немецкого офицера — начальника караула, дошло по назначению и произвело, по-видимому, сильный переполох. Немецкий генерал сразу же приехал в Mont-de-Marsan и лично явился в тюрьму. К нему вызвали Ксению Васильевну.

— Как вы приходите к генералу Деникину? Родственницей? — был первый вопрос.

— Я его жена.

— Так зачем же не сказали, кто вы?

— Я думала, что ваши власти знали, кого они арестовывают, — последовал ответ.

Немецкий генерал приказал сразу же освободить жену генерала Деникина, на что она сказала, что, являясь единственной переводчицей для остальной группы заключенных, просит отложить освобождение до того момента, когда найдут ей заместителя.

— Я думаю, генерал, — закончила она, — что вы на моем месте не поступили бы иначе.

Через три дня вся группа людей, арестованных с женой генерала Деникина, была освобождена.

Арест жены его ошеломил. Не владея иностранными языками, связанный по рукам и ногам непривычным уходом за подброшенным шестилетним мальчиком, он чувствовал себя беспомощным и морально разбитым. Его угнетала невозможность защитить жену. Он не знал, где она, куда увезли, не знал, случайно ли она арестована и боялся того, что, возможно, немцы связали ее имя с какими-то неугодными им французами. Стряпать он умел весьма относительно, а тут без денег и без продуктов генерал должен был ухитриться прокормить мальчика и самого себя. Однако вопрос пропитания разрешился просто: каждое утро у дверей своего домика находил Антон Иванович или кусок сала, или яйца и всегда молоко и хлеб. Чья-то заботливая рука приносила одинокому старику и одинокому

мальчику пропитание. Кто это был, осталось неизвестным. Судя по царившему тогда всеобщему оскудению, можно предполагать, что жители местечка Мимизан между собой решили не дать этим чужим, но полюбившимся им людям умереть с голоду. Судьбе угодно было отплатить генералу Деникину за его прошлую верность союзникам — куском хлеба, который в дни большой нужды приносила к его порогу рука неизвестного французского крестьянина, такого же, как и Деникин, непримиримого врага германского империализма.

...Начиная с ноября 1941 года, обоим Деникиным — мужу и жене — пришлось время от времени лично являться в мэрию местечка Мимизан. «Допрос» в общем сводился к установлению факта, что они не переменили место жительства. Но был и более щекотливый вопрос принудительной регистрации, за невыполнение которой грозили суровыми карами. Следуя политике сперва расчленения, а затем полного порабощения России, немцы и за границей образовали различные комитеты для каждой народности, населявшей территорию России. В своем стремлении раздробить они придумали даже такие народности, которые никогда не существовали, а под словом «русский» подразумевали не народность, а какое-то ущемленное территориальное подданство. По приказу немцев, в целях полицейского контроля, все русские эмигранты должны были регистрироваться в одном из этих «комитетов» в зависимости от своего происхождения. В Париже создано было три комитета: русский, украинский и кавказский. В Германии, кроме того, образованы были Северо-Кавказский национальный комитет, Туркменский и Крымско-Татарский и ряд других, среди которых красовалось управление неведомой дотоле страны — Казакии. Во французской провинции регистрация происходила в местной мэрии или в немецкой комендатуре, которая затем переправляла бумаги в Париж для распределения по соответствующим комитетам.

Во главе Парижского русского комитета — Управления по делам русской эмиграции — поставлен был немцами некий Юрий Жеребков, донской казак долго живший в Германии и ставший членом нацистской партии. Регистрация русских была под его ведением. Деникин наотрез отказался «регистрироваться». И, как ни странно, немцы решили этот факт игнорировать и оставили упрямого старика в покое. Чем руководствовались они — осталось неизвестным. Знали ли, что слишком тверд человек, чтобы поддаться принуждению, или престиж его имени был так еще велик, что немцы решили избежать репрессий. Вернее всего, что в момент, когда они стремились придать своей захватнической войне против России характер «крестового похода

против коммунизма» — засадить в тюрьму самого видного и самого подлинного из всех русских противников большевизма было бы изрядной политической ошибкой, очевидной даже нацистам.

«Что касается меня лично, — писал впоследствии Деникин, — то, оставаясь непримиримым в отношении большевизма и не признавая советскую власть, я считал себя всегда, считаю и ныне гражданином Российской империи, которая, как известно, включает в свои пределы и великорусские, и белорусские, малороссийские или украинские области, и Кавказ и прочее и прочее, поэтому я и моя семья от регистрации отказались. Тем не менее своим друзьям и соратникам я дал категорический совет — против рожна не переть и исполнять эту формальность».

Антон Иванович тяжело переживал русские поражения в начале войны, а затем с гордостью и радостью следил за русским успехом. «Как бы то ни было», — писал Деникин, — никакие ухищрения не могли умалить значение того факта, что красная армия дерется с некоторых пор искусно, а русский солдат самоотверженно. Одним численным превосходством объяснить успехи красной армии было нельзя. В наших глазах это явление имело объяснение простое и естественное.

Испокон века русский человек был смышлен, талантлив и нутром любил свою родину. Испокон века русский солдат был безмерно вынослив и самоотверженно храбр. Эти свойства, человеческие и воинские, — не смогли заглушить в нем 25 советских лет подавления мысли и совести, колхозного рабства, стахановского изнурения и подмены национального самосознания интернациональной догмой. И, когда стало очевидным для всех, что идет нашествие и завоевание, а не освобождение, что предвидится только замена одного ярма другим — народ, отложив расчеты с коммунизмом до более подходящего времени, поднялся за русскую землю так, как поднимались его предки во времена нашествий, шведского, польского и наполеоновского...

Под знаком *интернационала* прошла бесславная финляндская кампания и разгром немцами красной армии на путях к Москве; под лозунгом *Защита Родины* произошел разгром германских армий!»

Кроме периодических вызовов в мэрию, Деникиных вызывали иногда в германскую комендатуру местечка Мимизан, особенно когда там менялось начальство. Антону Ивановичу лично посчастливилось избежать дальнейшего общения с германскими властями. Ксения Васильевна без него ходила в комендатуру, объясняя, кому следовало, что муж в преклонном возрасте и не говорит по-немецки. Там порой задавали ей щекотливые вопросы. Хотели знать о знакомствах и связях Деникина как во Франции, так и за границей, об источнике дохода,

об исторических и литературных трудах, которыми в то время занимался генерал Деникин. Не скрывая того, что было в прошлом, что немцам так или иначе могло быть известно, и указавши, что скромные доходы мужа от лекций, авторский гонорар его от литературной работы окончательно прекратились, Ксения Васильевна — по понятным причинам — предпочитала не посвящать немцев в то, что действительно могло их заинтересовать. «В своем подневольном уединении во время немецкой оккупации, — писал впоследствии Антон Иванович, — мы с женой переводили на русский язык и распространяли среди русской эмиграции особенно откровенные излияния видных немецких деятелей в их прессе и радио».

Они действительно подобрали «махровый» материал, основанный на подлинных официальных заявлениях и речах Гитлера, Геббельса¹, Розенберга² и других вождей нацизма, где откровенно высказывалось не только полное презрение ко всему русскому, но и решение использовать территории в чисто германских целях. Освещая подлинные цели нацистов, Деникин направлял усилия как против врага внешнего — немцев, так и против коллаборантов русского происхождения, именно тех, кого Деникин презирал и считал изменниками и кто, несмотря на очевидность, продолжал проповедовать «крестовый поход».

Интересно отметить, что в то жуткое время, когда повсюду процветали доносы, обошлось без предателей. Материал, составленный Деникиным и его женой, не попал в руки гестапо. Германские власти, к счастью, не знали, над чем работал у них под носом А. И. Деникин.

А работал он, кроме всего прочего, над сбором материала о германских зверствах, о бесчеловечном отношении немцев к русским военнопленным, о ходе войны, о России, о зарубежье, а также о том, чтобы уличить впоследствии всех «предателей русского дела». Начал он также работать над своей незаконченной автобиографией, которую думал озаглавить «Моя жизнь» и которая после смерти его появилась в печати под заголовком «Путь русского офицера». Жена генерала, когда было возможно, вела записи в своем дневнике.

На случай немецкого обыска весь компрометирующий материал — бумаги генерала, дневники его жены — прятались не в доме, а зарывались в соседнем сарае, где многие из бумаг пожелтели от сырости, а некоторые и совсем погибли. Днем прятался в духовку от немцев маленький радиоаппарат и с большими предосторожностями извлекался оттуда вечером, когда слушались запретные радиопередачи из Лондона.

...Уже в течение нескольких лет Антон Иванович страдал от воспаления предстательной железы. Наконец настал момент, когда

понадобилось хирургическое вмешательство. Операция была сделана 5 декабря 1942 года в больнице в Бордо. Через неделю после операции, шок от нее вызвал у Антона Ивановича первый сердечный приступ. Пробыл он в больнице около месяца, и время от времени ездила к нему из Мимизан с большими затруднениями жена. В начале января 1943 года Антон Иванович выписался из госпиталя, вернулся к себе в Мимизан, и жизнь потекла по-прежнему... Пять лет германской оккупации, проведенных в глуши маленького французского местечка, в нищете, под надзором немецких властей, были большим этапом в жизни Деникина. Из этого испытания Антон Иванович вышел с честью. Ни на одну минуту не сдавая свою непримиримую позицию в отношении к советской власти, он не допускал сотрудничества с внешними захватчиками и врагами России. Он боролся против пораженчества среди русской эмиграции, клеймил коллаборантов и не переставал распространять среди своих соотечественников противонемецкие писания. Деникин не мог оправдывать немецкого мундира на русских военнопленных, но, поняв трагедию того морального тупика, в котором очутились эти люди, он в душе своей не осудил их и впоследствии всеми силами старался быть их заступником.

Несмотря на ухудшение болезни сердца и на физическую усталость, духовная энергия его не иссякла. Фрагменты намеченных им за эти пять лет книг, памфлетов и статей — не dokonченных и не обработанных (по причинам германской слежки во время оккупации, а затем из-за вскоре пришедшей смерти) — свидетельствуют о невероятной трудоспособности этого человека. Говорят они также об его незаурядном литературном таланте и целеустремленности, ибо, кроме семьи и небольшого круга бывших соратников, единственной и действительной любовью всей жизни Деникина была Россия, и все его помыслы были устремлены только к ней.

Даже после пяти лет войны и оккупации Париж, потускневший и погрязневший, все же был прекрасен. Но для Деникина возвращение в этот город было сопряжено с большим разочарованием. Удручали моральные сдвиги, происшедшие среди многих из русских эмигрантов за время войны. Расстраивали и то, что произошло со многими из близких ему людей к концу войны и после освобождения Франции.

Перечисляя тех, кто от имени эмиграции старался подладиться к немцам, Деникин строго осуждал некоторых возглавителей военных организаций, которые без какого-либо опроса членов организаций в порядке единоличного решения подавали мемории немецкому командованию, прося принять во внимание их готовность «содей-

ствовать скорейшей победе [немцев] и восстановлению порядка и социальной справедливости на нашей родине». Осуждал он тех, кто, занимая видное место, престижем своего имени мог сбить с толку массу эмиграции.

Кроме сотрудничества с немцами удручало Деникина — появившееся во время войны и усилившееся к концу ее — движение среди некоторых кругов эмиграции идти на сближение с советской властью. Тоска по родине, победное движение русских войск, разгром Германии — все это взятое вместе давало какую-то надежду на патриотический подъем внутри России, на то, что армия окажется сильнее партии, что советская власть должна будет пойти на уступки. Деникин утверждал и оказался прав, что все эти надежды ложны, что эта новая «ересь», прикрытая именами людей, пользовавшихся уважением среди эмиграции, приведет лишь к новому соблазну и конфузу.

...Наступившее после войны расхождение во взглядах с близкими когда-то людьми было одной из причин, побудивших Деникина решиться на отъезд в Америку. Кроме того, в Париже перестали выходить русские газеты, в которых прежде Антон Иванович мог высказывать свои взгляды, помещать статьи. Появились новые, просоветские, газеты. Во Франции 1945 года Деникину не было доступа к свободной трибуне, не было возможности открыто высказываться.

652. Г. М. ИПОПОЛИТОВ:

Январь 1942 года. Захолустное местечко Мимизан, что недалеко от испано-французской границы...

— Папа, к нам едут немцы! — встревожено воскликнула Марина Антоновна.

— Наверное, это за мной. Ася, дай мой чемоданчик, который ты приготовила на случай ареста, — спокойным тоном обратился Антон Иванович к супруге.

— Папа, три автомобиля!

— Не слишком ли много для того, чтобы арестовать генерала-изгнанника, пусть даже и ненавидящего Гитлера всеми фибрами души?! — с сарказмом воскликнул Антон Иванович.

Со скромным чемоданчиком в руке он вышел на порог своего убогого жилища. Из остановившихся машин вышли шесть немецких офицеров во главе с генералом.

— Ваше превосходительство, генерал Деникин Антон Иванович? — уточнил чопорным тоном вальжанный немецкий генерал.

— Да!

— Здравствуйте, — немецкий генерал с фальшивой улыбкой на лице протянул Антону Ивановичу руку.

Генерал Деникин руки не подал.

— Вы меня арестуете сразу? Я готов!

— Что вы говорите, — гримаса фашистского генерала с трудом скрывала раздражение.

— Надо же, этот русский старик не подал руки! Ему, слуге фюрера, генералу непобедимой армии! — со злостью подумал гитлеровец. — Но он нам нужен! Терпи, а хорошо бы, да всю обойму...

— Мы просто приехали, чтобы побеседовать с Вами!

— Ну, что ж, прошу зайти в дом, — сказал сухим тоном Антон Иванович.

В своей комнате, не присев за стол, Антон Иванович, спросил немецких офицеров:

— О чем же вы хотите беседовать с русским генералом?

— Ваше превосходительство! Я уполномочен командующим войсками во Франции генералом фон Штюльпнагелем передать следующее предложение фюрера: наш вождь просит, чтобы именно Вы, дорогой Антон Иванович, приняли под командование русские части, которые мы начали формировать из военнопленных.

— Не понял. Вы официально предлагаете мне стать изменником Родины? Мне, русскому генералу! Нам не о чем говорить! Если вы пришли меня арестовать, я готов. К чему пустые разговоры!

— Не горячитесь, Антон Иванович! — с трудом сдерживая гнев, сказал фашистский генерал, — ведь Вы — стойкий борец с коммунизмом, ненавидите Сталина, большевиков...

— Не путайте большевиков и русский народ.

— Извините, но в гражданскую войну Вы стойко дрались не только с большевиками, но и с теми, кто их поддерживал?

— Пока шла гражданская война, я воевал против большевиков, это дело семейное, но я русский человек и не буду воевать против своего народа.

— Ваше Превосходительство! — в разговор вступил один из сопровождающих гитлеровского генерала полковник. — Посмотрите, как Вы живете?! Разве это достойно знаменитого на весь мир генерала Деникина?! После того, как Вы примите под командование войска, сформированные из русских пленных, которые хотят уничтожить Сталина...

— И запятнать себя предательством русского народа, — перебил своего визави Деникин.

— Антон Иванович, — на лице полковника, вопреки его желанию ярко вырисовывалась злоба, — прошу не перебивать! Вам как командующему будет выделена вилла, автомобиль с шофером, счет в банке.

— Нечто подобное мне уже предлагали из ведомства Геббельса за то, чтобы я переехал в Германию продолжать свою литературную работу. Я сказал геббельсовским эмиссарам: «Нет!». А Вы хотите...

— Мы в курсе. Но наши условия значительно выгоднее. Фюреру нужен не отставной генерал-литератор, а бывший вождь белого движения, который возглавит борьбу своих соотечественников под знаменами третьего Рейха за уничтожение коммунизма. Если Вас не устраивает материальная сторона, то можно договориться...

— Господин полковник! — гневно перебил тираду фашиста престарелый генерал-изгнанник. — Вы, наверное, меряете всех людей одной меркой. Причем здесь деньги и быт?! Генерал Деникин не продается, он никогда не будет стрелять в свой народ! Я слишком стар, чтобы возглавить армию, но у меня достаточно сил, чтобы не стать предателем своего народа.

— Я удивлен, — воскликнул фашистский генерал. — Передо мною стоит не знаменитый борец против большевизма, а большевистский агитатор!

— Прошу меня не называть большевистским агитатором! Я веду себя корректно, не оскорбляйте и Вы меня, хотя и оккупанты. Наш диалог — разговор слепого с глухим. Прекратим его.

— Подождите, если Вы не хотите воевать в рядах доблестной армии великого фюрера...

— Да не хочу! — резким тоном перебил собеседника Деникин. — Повторяю еще раз, если не понимаете: я слишком стар, чтобы вести в бой армию. Но со старостью я не потерял разум, совесть и честь, чтобы изменить Отечеству.

— Антон Иванович, — вальяжным тоном начал фашистский генерал. — Хорошо, Вы не хотите командовать войсками Ваших же соотечественников, желающих сбросить сталинское ярмо, но Вы же еще и писатель. Великолепный писатель!

— Не надо комплиментов, не мне судить, а читателям о том, что я написал!

— Не скромничайте, генерал. Наверное, Вам интересно знать, что Ваши архивы перевезены в Берлин (врал эсесовский бонза, РЗИА оставался в Праге). Давайте переезжайте в Берлин, спокойно разберитесь в архивах, и за работу. В шикарных условиях, а не в этой конюшне, Вы еще многое напишите.

— Я же сказал, что из ведомства Геббельса мне нечто подобное предлагали... Не пойму, вы мне делаете предложение или отдаете приказ? — поинтересовался Деникин.

— Ну что вы! Это всего лишь предложение.

— В таком случае я ставлю вас в известность, что не собираюсь покидать Мимизан до окончания войны.

— Зря Вы так, Ваше превосходительство! Вам сделано деловое предложение от имени и по поручению фюрера великой Германии. Отказавшись, Вы оскорбляете Третий Рейх. А это может повлечь за собой строгие санкции. Я не угрожаю, но мое терпение не безгранично. И то, что Вы генерал — борец с коммунизмом, может и не спасти от гнева великого фюрера.

— Я готов следовать в гестапо, или куда Вы там меня поместите. Арестовывайте!

— Еще успеем, надо будет, — расстреляем! — истерически вскрикнул фашистский генерал. — Одумайтесь, пока еще не поздно. Подумайте о жене и дочери!

— Генерал Деникин решение принял. Меня можно расстрелять, но нельзя переодеть в форму армии, которая пытается поработить мое Отечество!

...Антон Иванович облегченно вздохнул, когда вереница машин растаяла вдаль.

— Ася, Мариша, успокойтесь! Все будет хорошо. Мы — люди русские...

Ксения Васильевна и Марина Антоновна вытирали слезы...

«На этом закончились мои отношения с оккупантами, — вспоминал Деникин — Добавлю, что когда “фюрер” Жеребков объявил обязательную регистрацию русских, мы с женой не зарегистрировались у него»...

Антон Иванович Деникин свой неравный бой с немецким фашизмом выиграл...

Измощенный голодом и болезнями семидесятилетний генерал-изгнанник, ярый враг советской власти, но пламенный патриот России, совершил гражданский подвиг. Это не гипербола.

Антон Иванович, сказав решительно «нет» сотрудничеству с гитлеровским фашизмом, руководствовался не нахлынувшими вдруг эмоциями. Здесь был его сознательный выбор, логически вытекающий из всего его эмигрантского бытия. Из всей его жизни...

«Новая жизнь» Деникиных в Мимизане становилась все более и более тяжелой. Поскольку прибрежная зона объявлялась зоной повышенной опасности, семья все время находилась под угрозой эвакуации. Мать разбила единственные очки, и снабжение продовольствием становилось все хуже и хуже. «Свинцовые мерзости жизни» заставили Деникиных написать завещание. 29 сентября 1942 года они оформили завещание у господина Ривьера, нотариуса Эскурса. Своей дочери они могли завещать только архивы и документы...

Но самое трудное началось после отказа Антона Ивановича сотрудничать с Гитлером. Немецкие оккупационные власти подвергли

старого генерала жесткому прессингу. Его взяли под гласный надзор гестапо. Генеральские книги («Брест-Литовск», «Международное положение. Россия и эмиграция», «Мировые события и русский вопрос») были запрещены и подлежали, на основании распоряжения немецких властей, изъятию из книжных складов, магазинов, библиотек. Каждую неделю Деникиным наносил «визит» немецкий офицер из местной комендатуры, чтобы удостовериться, не покинули ли они Мимизан. Время от времени фашисты устраивали обыски в доме, пытались найти «подрывную литературу».

Но Антон Иванович, лишённый Отечества, прозябавший в нищете, в одиночку вел свою посильную антифашистскую борьбу.

Ежегодно 14 июля, в день взятия Бастилии, национального праздника французов, Деникин, несмотря на запрет властей, демонстративно дефилировал по центральной площади Мимизана. Он демонстративно отказался регистрироваться в немецкой комендатуре. При этом генерал Деникин заявил, что, оставаясь непримиримым в отношении с большевиками и не признавая советскую власть, считает себя гражданином Российской империи. А поэтому отказывается регистрироваться по порядку, установленному оккупационными властями для лиц без гражданства — русских эмигрантов. Вместе с тем, генерал Деникин провел антифашистскую акцию, которую следует расценивать более чем символический протест против гитлеровского режима.

Между тем бывший Главком ВСЮР проводил и акции, которые могли бы стоить ему жизни. Он вместе с женой переводил на русский язык и распространял среди русских эмигрантов «особенно откровенные измышления, выдаваемые немецкими деятелями в их радио и прессе». Это была уже активная форма антифашистской борьбы в условиях оккупационного режима. За подобные действия немецкие оккупационные власти расстреливали беспощадно. Можно гипотетически предположить: если немецкому оккупационному командованию стало бы известно о таких действиях Деникина, то его, с большой долей вероятности, казнили бы.

Но не будем и преувеличивать — бывший вождь белого движения, в конечном итоге, вел свою антифашистскую борьбу настолько активно, насколько ему позволяли немецкие оккупационные власти. Однако и эта его деятельность обрастала домыслами. В 1999 году бывший белогвардеец Мирон Рейдель, проживающий в США, отвечая на вопросы редакции журнала «Родина» (Москва), написал следующее:

«Возвращаясь к Деникину, припоминаю, что ходили слухи о его связи с советской разведкой во время войны. Вероятно, для этого имелись основания. В середине 60-х годов во МХАТе была поставлена и тут же за-

прещена пьеса Льва Шейнина “Дети России” (или “сыны России”, точно не помню) — о роли русских иммигрантов в организации антифашистского Сопротивления во Франции. Лев Шейнин был допущен к соответствующему архиву. Я сам слышал от него рассказ о донесениях одного советского разведчика, которого не только приютил, но и прятал вместе с рацией у себя на квартире Деникин».

Вряд ли то, о чем пишет бывший белогвардеец, было возможно в небольшом местечке Мимизан, где каждый житель на виду, где четко работала немецкая комендатура. Думается, о таком уникальном факте, если он был в действительности, обязательно бы сообщила Марина Антоновна в своей работе «Мой отец генерал Деникин». Но она этого не сделала. А в письме мне от 7 июня 1999 г. дочь генерала категорически заявила следующее: «Конечно, никогда не было никакого сношения отца с Советами».

Да и сам М. Рейдель сообщает о сотрудничестве бывшего Главкома ВСЮР с советской разведкой в годы Второй мировой войны с недостаточной долей уверенности. Он предпочитает оговориться, что в среде американских белоэмигрантов по данному поводу «ходили слухи».

...Свою мини-битву с коричневой чумой бывший белый вождь выиграл, совершив гражданский подвиг (не побоюсь упреков патетике и в тавтологии). Ему снова хотелось быстрее попасть в Париж...

...С 30 мая и до конца ноября 1945 года начался кратковременный период жизни престарелого генерала в послевоенном Париже.

Кроме вечного безденежья, Антона Ивановича угнетала обстановка, сложившаяся во Франции после разгрома гитлеровской Германии.

Деникин гордился тем, что народы России победили фашизм. Однако небывалый рост авторитета СССР как победителя Гитлера вызывал у бывшего вождя белого движения раздражение потому, что на его Родине правили ненавистные ему большевики (правда, правили уже совсем другие вожди, большевизм эволюционировал). Следовательно, по логике генерала, подъем авторитета Советского Союза на международной арене — это укрепление позиций сталинского режима и мирового коммунизма. Например, — огромный рост коммунистического движения во Франции после освобождения ее от фашистской оккупации, что с неудовольствием наблюдал генерал Деникин. Стереотипы антикоммунистического мышления в данной ситуации сработали у бывшего Главкома ВСЮР безотказно.

У Антона Ивановича вызывало озабоченность и тревогу то, что отдельные деятели белой эмиграции под впечатлением победы советского народа в Великой Отечественной войне, по его личной оценке, пошли «на поклон к большевикам». Он считал, что с большевиками пытаются

вступить в контакт те, кто пресмыкался перед немцами, «прихвостни, мракобесы и, к сожалению, подлинная русская интеллигенция, мягкотелая, ничему не научившаяся...». Генерал искренне возмущился действиями группы политических и общественных деятелей белой эмиграции, которые посетили 12 февраля 1945 года посольство СССР во Франции, где имели беседу с послом А. Е. Богомоловым. Бывший Главком ВСЮР считал подобные деяния как сдачу антикоммунистических позиций белой эмиграции. Позиция осуждения русских эмигрантов, пытавшихся найти точки соприкосновения с советской властью, занятая генералом Деникиным, носит деструктивный характер. Она вся пронизана субъективизмом. Однако подобные деяния вполне сопряжены с идейно-политическими взглядами ярого врага советской власти, коим был бывший вождь «Белого дела».

Он все больше стал задумываться о целесообразности его пребывания во Франции. Тем более, во Франции, по личной оценке генерала, «стало душно» — нет свободной печати, так как русские газеты выходят под «прямым или косвенным советским контролем». Деникину была закрыта возможность высказывать свои взгляды в печати. В 1945 году старый воин почувствовал, что вокруг его имени началась какая-то непонятная суета. И он, по утверждению Н. С. Тимашева, автора предисловия к первому изданию мемуаров Деникина «Путь русского офицера», «от греха подальше, дабы не искушать судьбу, из Франции уехал за океан, где и остановился в США».

653. С. П. МЕЛЬГУНОВ:

Историческая жизнь идет извилистым путем и далеко не всегда осуществляют идейные предначертания... Итоги войны, патриотический угар породили другой мираж. У Деникина не было раздвоения, столь отчетливо сказавшегося на психике части эмиграционной элиты. Он остался на своих прежних позициях — непримиримого врага советской власти и защиты подлинно национальных интересов России. Он оставался с народом, но не был с властью. Он не поверил в эволюцию большевицкого двуликого Януса.

654. Г. М. ИПОЛИТОВ:

А. И. Деникин в годы Второй мировой войны внес посильный вклад в антифашистскую борьбу в условиях немецкой оккупации. Конечно, несравнимы его акции с действиями, например, подпольщиков

из французского движения Сопротивления, но мужеству его, думается, можно отдать дань уважения. Он оказался нравственно выше своих врагов, сохранив верность России в неимоверно трудных условиях.

655. М. А. ГАРЕЕВ:

...Деникин воевал против советской власти, был ярым антисоветчиком. Но когда Гитлер ему предложил сотрудничество, отказался. А генерал Краснов — согласился.

4.4. Антон Иванович в новом свете

656. А. И. ДЕНИКИН:

Нью-Йорк нас встретил весьма приветливо. Многих людей уже видел. Успел и Богу помолиться — в воскресенье, в день святого Георгия, причем настоятель храма особенно подчеркнуто поприветствовал меня, старейшего георгиевского кавалера... Осматриваемся, ориентируемся, изучаем быт... После морского переезда жену до сих пор немножко «укачивает». Я же чувствую себя удовлетворительно. С завтрашнего дня оба начинаем лечиться по американской системе. Посмотрим, что из этого выйдет...

657. А. И. ДЕНИКИН:

*Ничто не изменилось в основных чертах психологии большевиков и в практике управления ими страной. А между тем в психологии русской эмиграции за последнее время произошли сдвиги неожиданные и весьма крутые, от неосуждения большевизма до безоговорочного его приятия... К глубочайшему сожалению, по такому опасному пути пошла и наша эмигрантская церковь, под водительством митрополита Евлогия, осенившая сменевеховство духовным авторитетом... Первый период войны... Защита Отечества. Блистательные победы армии. Возросший престиж нашей Родины... Героический эпос русского народа. И в душах наших не было тогда сомнений. В помыслах своих, в чувствах мы были едины с народом. *С народом, но не с властью.**